

В Диссертационный совет МГУ.051.1 (МГУ.12.03)

Московского государственного университета

имени М. В. Ломоносова

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию **Максима Ивановича Лухманова**

на тему

«Модель деликтной ответственности в ситуациях альтернативной причинной неопределенности»,

представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.3 «Частно-правовые (цивилистические) науки» (12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право)

1. Актуальность темы исследования

Она не вызывает никаких сомнений и в достаточной степени обоснована автором на стр. 3—5 и, отчасти, 5—12 Диссертации. Причинно-следственная связь по общепринятому в нашей науке и практике воззрению, является совершенно необходимым условием всякой гражданско-правовой ответственности, деликтной и договорной. Но *общетеоретическое понимание* причинной связи не является сегодня общепринятым; это существенно затрудняет *выявление и доказывание* причинной связи на практике. Автор сосредоточился не просто на общетеоретическом, но еще и на таком понимании причинной связи, которое он решил вывести, исследуя *один из наиболее сложных ее вариантов* — вариант, называемый им *альтернативной причинной неопределенностью*. Можно согласиться с автором в том, что исследований у нас по этой проблематике просто нет, так что в части содержания диссертация М. И. Лухманова — безусловно первая в нашей науке.

2. Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации

В-основном — за буквально одним (хотя и существенным), описанным ниже (в 4-м разделе настоящего Отзыва) исключением, — научные положения, выводы и рекомендации, сформулированные в Диссертации, явля-

ются в достаточной мере научно обоснованными. Не может не вызвать интерес *самая постановка вопроса*, являющаяся, безусловно, значительной заслугой автора в нашей науке (см. выше), а также та его *смелость*, с которой он взялся за прежде совершенно неизведанную у нас тему. Видимо, именно этим последним обстоятельством — т.е. совершеннейшей новизной предмета исследования — объясняется то, что *внимательность и объективность* автора как исследователя порою перерастают самые себя, представая перед читателями своими оборотными сторонами: *дотошностью* в рассмотрении даже самых мелких, частных, сложных и заковыристых вопросов собственного предмета и *тяжеловесностью* тех словесных формулировок, в которые это рассмотрение облачается; местами формулировки эти таковы, что сквозь них приходится буквально продираться, словно через тернии. Но — как мы уже заметили — этот недостаток отчасти обусловлен объективно, отчасти продолжает достоинства автора как ученого: буквально все затрагиваемые им вопросы (даже самые мелкие, незначительные, сложные и заковыристые) представляются ему имеющими либо *высокую научную важность*, либо *большую практическую значимость*. Отвечать на *такие* вопросы походя, «в двух словах», конечно, неправильно.

Заслуживает того, чтобы быть отдельно отмеченной, *источниковедческая база авторского исследования*. Отмеченную выше пустоту — отсутствие работ отечественных ученых — автор восполняет иностранным материалом, притом, не так, как это нередко у нас делается — больше «для галочки», для выполнения неких «джентльменских требований» — а прямо-таки с лихвой, можно даже сказать, *с излишеством*. Мне уже давно не встречалась работа, автор которой настолько свободно ориентировался бы в *настолько обширном* иностранном материале, притом, материале *собственно-научном* (!) и, я бы сказал, *наивысшей* (!) степени сложности. Получается так, что несмотря на отсутствие тех конкретных исследований, на результаты которых можно было бы опереться, *в нашем праве*, диссертация, тем не менее, не свелась к одним авторским рассуждениям (не стала, так сказать, парящей в воздухе паутиной или элегантным кружевом из логических хитросплетений), но приобрела вид добротного системно-научного здания, стоящего на добротном фундаменте и в значительной мере использующего стены, возведенные предшественниками.

3. Достоверность и новизна исследования, полученных результатов, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации

Достоверность и новизна исследования, научных результатов и практических рекомендаций, сформулированных автором, у нас также — по большинству своему (за исключениями, опять-таки, указанными ниже) — не вызывает сомнений. Было бы удивительно, если бы при таких — описанных выше —

исходных данных (не вызывающей сомнения актуальности, безусловном первенстве, внимательности и объективности исследования, а также его основании на мощной источниковедческой базе) было бы иначе. *Ничего, подобного тому, о чем я прочел в диссертации, я ни у кого в нашей науке не встречал; скажу более: мне неизвестны и такие наши ученые, о которых можно было бы сказать, что они хоть сколько-нибудь близко подошли к тому, что предложил автор*, как в части постановки вопросов, так и в части формулировки ответов. И *актуальность*, и *достоверность*, и (особенно!) *новизна* тут бесспорны, безусловны и, что называется, вопиют, заявляют о себе во всю глотку; в этом отношении рецензируемая диссертация, опять-таки, отличается от большинства других современных кандидатских работ с чрезвычайно выгодной стороны, смотрится на их фоне весьма выигрышно.

Нужно отметить также и то, что и *актуальность*, и *достоверность*, и *новизна* — качества, присущие не каким-то отдельным, наиболее удавшимся фрагментам работы, но *пронзающие ее на всем протяжении, от первого до последнего слова*. Вероятно, тут важную роль сыграло такое качество, как *внутреннее единство работы*, обеспеченное ее написанием с очень грамотно примененным и четко выдержанным *системным подходом*; то и другое качества, безусловно, должны быть причислены к ее достоинствам.

Среди авторских достижений наибольшее значение, имеют:

1) *самая авторская постановка вопроса об альтернативной причинной неопределенности*, — она может вызывать (и вызывает, даже у нас, — см. ниже) возражения, но, вероятно, такова судьба всех научных новаций; они, как кажется, тем и хороши, что толкают научные силы к собственному осмыслению, критической оценке, проверке и, наконец, обогащению науки результатами такой оценки и проверки (положение № 1);

2) выполненное им *исследование научных взглядов* иностранных юристов по этому вопросу — введение их, как было принято говорить в СССР, «в научный оборот» (положения №№ 2, 3);

3) впервые выполненная им же *предварительная критическая оценка и проверка этих взглядов* — как с точки зрения их внутреннего соответствия началам «чистой логики» и соответствия внешнему окружению, так и на предмет их совместимости и, значит, возможного применения в рамках российской цивилистики (положение № 4); и, наконец,

4) собственные, отчасти «положительные», отчасти логико-теоретические построения автора по вопросу о двух возможных способах решения проблемы альтернативной причинной неопределенности в современном российском праве — пропорциональной (долевой) и солидарной ответственности

лиц, вызвавших альтернативные причины возникновения вреда — а также о тех условиях, в которых должен быть применен тот или другой способ (положения №№ 5 и 6).

4. Общая оценка содержания диссертации, ее завершенности

Диссертационное исследование М. И. Лухманова представляет собой самостоятельное, завершенное, логически выстроенное научное исследование, основные выводы и положения обоснованы и достоверны.

Все перечисленные качества Диссертации — абсолютные первенство и новизна в постановке проблемы, не подлежащая сомнению актуальность темы, внимательность и объективность автора, мощный источниковый задел — сложенные с другими, также позитивными (профессиональный язык, грамотная речь, колоссальная авторская общая эрудиция, безупречное оформление работы и пр.), создают о ней самое благоприятное впечатление. Мы бы сказали, что впечатление это *слишком* благоприятное в том смысле, что уже после прочтения первых страниц Диссертации возникают ожидания каких-то таких результатов, которые если и не произведут переворота в науке гражданского права, то, по крайней мере, значительно ускорят темпы или изменят направление ее развитие, и, получив колоссальный резонанс среди научной общественности, доставят автору работы, как минимум, европейскую известность. Последующее чтение работы показывает, что эти первоначальные ожидания оказываются, *к нашему огромному и искреннему сожалению (!)*, несколько завышенными. И дело даже тут не в том, что некоторые положения Диссертации требуют, как минимум, уточнения и пояснения, а некоторые вызывают критические замечания (см. ниже), — в какой работе их нет?! — но в том, что *с содержательной точки зрения конечные итоги авторского исследования в общем не сильно выбиваются из общеизвестных решений*.

1. В конечном счете вся Диссертация представляет собой рассуждение по одному-единственному вопросу: какое из начал ответственности сопричинителей вреда перед потерпевшим считать общим правилом — солидаритет или же пропорциональность? — и при каких условиях применять исключения из него? В нашей с ним частной переписке диссертант указывает, что он сам лично — обеими руками за солидаритет. Но весь текст работы, каждый ее абзац, каждое предложение, слово, буква; наконец, сама постановка рассмотренной в ней проблемы, буквально кричат об ином: диссертанта куда больше беспокоит пропорциональность. То ли ему *очень* (ну просто очень-очень!) *сильно хотелось бы*, чтобы именно она была бы общим правилом взаимоотношений сопричинителей с потерпевшим; то ли он *не менее сильно опасается* того, что к этому ситуация может прийти (и, значит, если можно так

выразиться, «сомневается в солидаритете»), то ли считает, что *про солидаритет* известно уже достаточно, а вот *про пропорциональность* нет, то ли еще что-то — не вполне понятно. Но какая бы тут причина ни была, она мешает автору оставаться вполне объективным и беспристрастным.

В результате корабль Диссертации, вместо того чтобы пройти безопасным фарватером, пролегающим ровно посередине между Сциллой пропорциональности и Харибдой солидаритета, *заметно* (хотя и не вполне понятно, почему) *перекашивается, уклоняется, «кренится» в сторону Сциллы (пропорциональности)*, порою рискуя налететь на нее. Даже фактические обстоятельства автор умудряется освещать по-разному: всякое *лыко в строку* — например, некоторые решения английских и американских судей, несостоявшийся проект реформы австрийского деликтного права, движения научной мысли «Против солидарности!»¹, французский проект реформы и пр. — он заботливо выделяет и прямо-таки с отцовской нежностью пестует; а вот *все то, что свидетельствует против его точки зрения*, он хотя и *отмечает* (объективность у автора все же преобладает над личными симпатиями), но буквально несколькими словами, как бы неохотно, немедленно «заговаривая» их, «*растворяя*» в рассуждениях, оценках и информации о других фактах.

Поясним буквально на одном, но очень важном примере.

Вот один такой (непреложный) факт: *теперь не существует (и никогда не существовало прежде) ни одного* — я подчеркиваю это: НИ ОДНОГО (!) — *законодательства с принципом долевой ответственности сопричинителей вреда перед потерпевшим в качестве общего правила*.

Вот другой, столь же непреложный факт: *все законодательства, какие существовали прежде и существуют теперь, либо никакого общего правила насчет ответственности нескольких сопричинителей вреда перед потерпевшим не закрепляют, либо закрепляют принцип солидарной ответственности*.

Кажется — имея ввиду предмет Диссертации — что эти два факта заслуживают того, чтобы, быть, как минимум, *прямо констатированными*, а как максимум — еще и *объясненными*². Есть ли то и другое в работе? *Да, есть*. Мы провели эксперимент: по прочтении работы и вынесении из нее своего

¹ Что, между прочим, не равнозначно движению «За пропорциональность!».

² Естественно, мы не имеем ввиду сказать, что раз какой-то из законодателей (наш, германский и др.) или даже большинство законодателей высказываются за солидаритет, то это само по себе предопределяет и решение *научного* вопроса — ни в коем случае! Но оно безусловно нуждается в том, чтобы быть (а) отмеченным и (б) объясненным.

собственного впечатления о содержании положительного права по сему вопросу, связались (списались) с диссертантом и напрямую этот вопрос ему задали. Полученный ответ *полностью совпал с нашим*; стало быть, *и надлежащая констатация названных фактов, и их минимальное объяснение в работе действительно имеются*. Но в каком же виде они имеются? на каких страницах работы констатацию этих фактов и объяснение им следует искать? Цитируем пояснение самого диссертанта: на стр. 156—157, 158—159, 185—186, 152—153, 184, 95—98, 97, 65—67, 160—164. Даже если расставить эти страницы в надлежащей последовательности, очевидно одно: *освещение центрального для Диссертации вопроса, которое следовало бы дать в самой ясной, концентрированной форме, не «растворяя» и не «распыляя» его по ее тексту, оказалось выполнено, словно нарочно, совершенно неподобающим образом: факты, необходимые для принятия во внимание при разрешении ключевого для всей работы вопроса — «пропорциональность или солидаритет?» — оказались растворены в огромной массе остальных, при всем их интересе, все же второстепенных, а то и совсем не относящихся к теме (см. далее) вопросов и фактов, разнесены по самым разным страницам Диссертации*. Причина нам так и осталась непонятной — см. выше. В особенности этот крен в сторону пропорциональности непонятен потому, что в конечном счете автор все равно был вынужден согласиться с тем, что солидарность — это все же *«наименее несовершенное» (!)* решение.

Соображений справедливости и целесообразности (*политики права*), которыми обосновывается этот подход, автору оказывается почему-то недостаточно — автору требуется *догматика*, притом, *процессуальная (!)*. Опять-таки, непонятно, почему. «Тлетворное влияние Запада» (английского права)?³ ☺ Самое неприятное в том, что объяснение, которое может быть автору когда-нибудь и удастся найти там, в догме *процессуального* права (кстати, пока он его там пока все же не нашел!), даже для ученых (о законодателях, практиках и самих участниках общественных отношений, регулируемых деликтным правом, мы уж и не говорим) вряд ли будет много перспективнее и убедительнее нынешних, политико-правовых. Во всяком случае, в странах, право которых строится на понятии *материального субъективного права*, т.е. здесь, у нас в России, а может быть даже и во всей континентальной Европе.

2. Второе замечание к работе также носит скорее методический, чем содержательный характер. При всем том фундаментальном и тщательном отношении, которым отличается разработка *каждого отдельного* вопроса в Диссертации, нам показалась *недостаточно обоснованной и объясненной самая*

³ См. стр. 23—33, 57—60, 151—173 — чисто-процессуальные; по всем остальным процессуальные элементы также рассыпаны весьма щедро.

общая постановка проблемы. Предложение обогатить нашу цивилистическую науку категорией АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ПРИЧИННОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ — как мы уже отметили — безусловно ново, смело, значимо и интересно — но, при всем при этом, *вряд ли может быть названо достаточно обоснованным.* Это, пожалуй, *самое главное* замечание к работе. Можно дать сколь угодно много интересных и значимых положений *по частностям*, но если это сделано в такой ситуации, когда *нет уверенности в общем*, то это заметно испортит даже в высшей степени благоприятное от всего остального впечатление. Чтение Диссертации навеивает воспоминания о работах, посвященных неизвестному истории праву коммунистического (никогда не существовавшего!) общества, поговорку о том, как неудобно чесать правой рукой левое ухо, а также риторический вопрос знаменитого булгаковского профессора (Ф. Ф. Преображенского): «Зачем искусственно фабриковать Спинозу, если его может родить любая баба?»

Поясним, что имеется ввиду в данном конкретном случае.

Предмет диссертационного исследования — проблема альтернативной причинной неопределенности, т.е. ситуация, в которой невозможно точно установить, действиями которого именно из нескольких (двух и более лиц) вызван тот или иной конкретный вред. У автора в работе приводится множество примеров такого рода ситуаций; самый известный, часто встречающийся и понятный — **вред, причиненный в драке с участием нескольких лиц по крайней мере, на одной ее стороне** (см. у автора на стр. 33—34, весьма «жесткий» пример, приведенный еще Ульпианом и Юлианом — пример с дракой, завершившейся смертельным ударом (убийством)). Действительно, самое понятие драки, ее существо и обстановка как правило исключают не только последующее установление и доказывание, но даже и непосредственное наблюдение и фиксацию конкретных действий, совершаемых конкретными лицами. Потерпевший от избиения в такой драке в состоянии предъявить только такой вред, который можно назвать **итоговым, суммарным**; допустим, у нашего потерпевшего: 1) испорчена (разорвана, испачкана и т. д.) одежда; 2) синяк под глазом; 3) ушибы внутренних органов и мягких тканей; 4) сломана рука; 5) сотрясение мозга; дрались с ним, допустим, три человека (А, Б, В). Ни сам потерпевший, и ни один из этих троих, не в состоянии точно сказать, (а если и в состоянии сказать, то нет никакой возможности это проверить), кто именно и какой именно вред причинил; соответственно, нет и возможности установить, что испортил одежду и поставил синяк *именно А*, что удары по внутренним органам и мягким тканям нанес *именно Б*, а остальные телесные повреждения — результат действий *именно В*.

Не подлежит, конечно, сомнению, что подобные ситуации возникают в реальной жизни, к сожалению, *достаточно часто*.

Точно также несомненно и то, что *ни одно право ни одной правовой системы мира никогда не оставит потерпевшего в такой ситуации без возмещения вреда* — несомненно, вред будет возмещен, притом, скорее всего, все трое — А, Б и В — будут присуждены к *общему (единому, солидарному) возмещению*, если только иного не потребует сам потерпевший (по каким-нибудь причинам); не составляет в этом отношении исключения и российское право (ст. 1080 ГК РФ).

Далее, в принципе можно согласиться с добытыми автором результатами обобщения тех *объяснений*, которые предлагаются такому решению. Два главных из них — это *справедливость* и *целесообразность*. Объяснение «через *справедливость*» понятно само собою и в объяснении не нуждается; ссылаясь же на *целесообразность*, имеют ввиду, что право, которое рискнет поступить как-нибудь иначе, тем самым пошлет «сигнал» о том, что *если уж кто-то решил причинять вред, то делать это надо нескольким лицам, да еще и таким образом, чтобы ни потерпевший, ни суд не сумели разобраться, кто и что причинил* — «сигнал» для права более чем странный.

Кажется, что на этом можно и поставить точку и что *самой почвы для постановки проблемы об альтернативной причинной неопределенности нет и не может быть*, по крайней мере, в отношениях сопричинителей с потерпевшим. Кажется, что это и есть объяснение феномена всегдашнего молчания нашей науки по сей проблеме — самой *научной* проблемы наша наука не видит (и, в общем, можно понять, почему): то, что *предусматривает положительное право* и то, как *происходит в реальной жизни*, всех устраивает. Или, во всяком случае, устраивало до последнего времени всех, кроме ... нашего диссертанта — Максима Ивановича Лухманова, которого (как мы поняли) смутило *очевидное логическое несоответствие* решения, предлагаемого в случаях причинения вреда несколькими лицами, решению более общему — *решению ситуации причинения вреда вообще*. Сравним.

ОБЩАЯ СИТУАЦИЯ (ситуация типа «вред вообще») у нас решается согласно следующему категорическому силлогизму (№ 1):

БОЛЬШАЯ ПОСЫЛКА: НЕОБХОДИМЫМ УСЛОВИЕМ ВОЗЛОЖЕНИЯ ОБЯЗАННОСТИ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА НА ОПРЕДЕЛЕННОЕ ЛИЦО, ЯВЛЯЕТСЯ ПРИЧИННАЯ СВЯЗЬ МЕЖДУ СОВЕРШЕННЫМ ИМ ПРОТИВОПРАВНЫМ ДЕЙСТВИЕМ И ВОЗНИКШИМ У ПОТЕРПЕВШЕГО ВРЕДОМ;

МЕНЬШАЯ ПОСЫЛКА: ПРИЧИННАЯ СВЯЗЬ МЕЖДУ ПРОТИВОПРАВНЫМ ДЕЙСТВИЕМ А И ВОЗНИКШИМ У ПОТЕРПЕВШЕГО П ВРЕДОМ В ДАННОМ КОНКРЕТНОМ СЛУЧАЕ НЕ ВЫЯВЛЕНА (ВАРИАНТ — НЕ ДОКАЗАНА);

Вывод: А НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ПРИСУЖДЕН К ВОЗМЕЩЕНИЮ ВРЕДА, возникшего у потерпевшего П.

СПЕЦИАЛЬНАЯ ЖЕ СИТУАЦИЯ (т.е. ситуация типа «вред, причиненный совместно несколькими лицами») у нас решается согласно следующему категорическому силлогизму (№ 2):

БОЛЬШАЯ ПОСЫЛКА — ТА ЖЕ, ЧТО И В ПРЕДЫДУЩЕМ СЛУЧАЕ, ТОЛЬКО ЧУТЬ УТОЧНЕННАЯ, КОНКРЕТИЗИРОВАННАЯ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К СЛУЧАЮ НАШЕГО, БОЛЕЕ УЗКОГО (ВИДОВОГО) ТИПА: НЕОБХОДИМЫМ УСЛОВИЕМ ВОЗЛОЖЕНИЯ ОБЯЗАННОСТИ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА НА ОПРЕДЕЛЕННОЕ ЛИЦО (НЕ ИСКЛЮЧАЯ И ТОГО, КОТОРОЕ ДЕЙСТВОВАЛО ВМЕСТЕ С ДРУГИМИ, ЕМУ ПОДОБНЫМИ, ЛИЦАМИ), ЯВЛЯЕТСЯ ПРИЧИННАЯ СВЯЗЬ МЕЖДУ СОВЕРШЕННЫМ ИМ ПРОТИВОПРАВНЫМ ДЕЙСТВИЕМ И ВОЗНИКШИМ У ПОТЕРПЕВШЕГО ВРЕДОМ;

МЕНЬШАЯ ПОСЫЛКА: ПРИЧИННАЯ СВЯЗЬ МЕЖДУ ПРОТИВОПРАВНЫМ ДЕЙСТВИЕМ А (ДЕЙСТВОВАВШИМ В СОСТАВЕ КОЛЛЕКТИВА ИЗ НЕСКОЛЬКИХ СОПРИЧИНИТЕЛЕЙ) И ВОЗНИКШИМ У ПОТЕРПЕВШЕГО П ВРЕДОМ В ДАННОМ КОНКРЕТНОМ СЛУЧАЕ НЕ ВЫЯВЛЕНА (ВАРИАНТ — НЕ ДОКАЗАНА);

Вывод: И ТЕМ НЕ МЕНЕЕ, А МОЖЕТ БЫТЬ ПРИСУЖДЕН К ВОЗМЕЩЕНИЮ ВРЕДА, возникшего у потерпевшего П.

Как объяснить *такое отступление* от строгой формальной логики? Почему А (наравне со всеми остальными сопричинителями-подельниками) присуждается к возмещению, *несмотря на то, что потерпевший не доказал наличие причинной связи* между действиями этого конкретного А и конкретным же, у него возникшим вредом? Краткий ответ — потому что иное было бы *и несправедливо, и нецелесообразно*; да и с точки зрения логики вряд ли так уж правильно, как кажется на первый взгляд — ведь *некорректно требовать невозможного* (а причинную связь в данной ситуации доказать именно что невозможно)! Вот чтобы (а) *не требовать этого невозможного* (что было бы **нелогично**); (б) *не оставлять потерпевшего без возмещения* (что было бы **несправедливо**) и (в) *не подталкивать сопричинителей вреда к направленному «обезличиванию» своих действий, ставящему в логически безвыходное положение потерпевшего и суд* (что было бы **нецелесообразно**) — и законодатели, и судьи, и ученые вопреки силлогистике закрывают глаза на отсутствие причинной связи между действиями *каждого конкретного* сопричинителя и *конкретным, именно им причиненным*, вредом.

Вся проблема вытекает из того, что *такой* (в-основном, **политико-правовой**, чтобы не сказать, **жизитейский**) *ответ диссертанта* — Максима Ивановича Лухманова — *не устраивает*⁴. Ему необходим *ответ догматический*

⁴ Это видно, например, из его комментариев со стр. 50—51, 67—68, 68 и др. Диссертации к кейсу типа «Двое стреляли — один "промазал"».

(и, притом, почему-то непременно *процессуальный* — см. об этом выше), поисками которого он и занят почти на всем пространстве своей диссертации. Интересно? Да, конечно; полезно? — для «чистой науки» тоже да. Научное знание — это цивилизационные деньги: его никогда не бывает *много*. Но так ли уж *необходим* этот ответ? И тут аналогия с деньгами очевидна: богат не тот, у кого много, а тот, кому *хватает*. Тот факт, что нашей цивилистике до недавнего времени имеющегося уровня разработки причинной связи в деликтном праве вполне хватало, то, что она без конструкции альтернативной причинной неопределенности жила (и *прекрасно*, надо сказать, жила!), *заставляет усомниться в том, что вот этот ответ, который ищет диссертант, вместе с главной предпосылкой для его поиска — конструкцией альтернативной причинности — действительно необходим* даже (!) для науки. Ну а для законодательства и практики нам подобная постановка вопроса так и вовсе представляется *небезвредной* (чтобы не сказать прямо, «вредной»), поскольку ни к чему, кроме *затягивания процесса по делам о возмещении вреда* (и без того долгого, непростого и недешевого), а также *расшатывания положения потерпевшего* она не поведет. *Сопричинители вреда, да представляющие их в судах юристы*⁵ — вот первые, главные, да и как бы не единственные настоящие «интересанты» диссертации М.И. Лухманова. Мы не уверены, что это правильно. Диссертация по гражданскому праву должна быть научным юридическим исследованием, написанным *вне связи с конкретными практическими интересами той или другой стороны известного типа отношений*.

В то же время одной только нелогичности для объяснения (и оправдания) предложенной им постановки вопроса диссертант не считает достаточным. Он апеллирует не только к *нелогичности*, но и к *несправедливости* господствующего подхода. Действительно, вопрос типа «*почему* (возвращаясь к нашему примеру с дракой) *тот, кто только поставил потерпевшему «синяк» или оторвал карман у куртки потерпевшего, должен отвечать еще и за отбитые почки или сотрясение мозга?*», на первый взгляд, кажется обоснованным: если уж мы рассуждаем о *справедливости в отношении потерпевшего*, то почему мы могли бы отказать в *справедливости причинителю вреда*? Это вопрос особенно актуализируется, заостряется прямо-таки до болезненности в том случае, когда в возникновении вреда оказывается отчасти виноват *сам потерпевший*; в нашей частной переписке диссертант и вовсе выдвинул вот этот — частный — случай на первый план: дескать, почти вся его работа имеет ввиду именно тот случай, когда одним из тех пунктов, к которому «приурочивается» причинная связь со следствием-вредом, становится сам потерпевший.

⁵ Неслучайно большинство вопросов работы вывернуты в процессуальную плоскость и, соответственно, многие ее страницы написаны в процессуальном ключе.

Представляется, однако, что при более внимательном отношении к вопросу он получает прекрасное объяснение: потому что речь идет о лице, совершившем **противоправное деяние** — лице, которое, поправ законность и правопорядок, само себя, по существу, вывело за их рамки, противопоставило государству и обществу; о «справедливом» с его стороны отношении к *потерпевшему* нечего и говорить. Отнестись к нему точно также, как оно отнеслось (а) к *государству и обществу* (законности и правопорядку), а также (б) к *потерпевшему* — шаг совершенно логичный и минимальный, который может и должно сделать право, притязующее на статус *правового (справедливого?)* — т.е. воздающего каждому по его «заслугам»⁶. Не будем забывать здесь и об общем понимании **гражданско-правовой ответственности** как института, имеющего своей главной задачей *не наказание нарушителя, а возмещение или компенсацию ущербленного интереса потерпевшего*; имеет ли такое возмещение или такая компенсация еще и значение *ответственности* для правонарушителя, или нет, — никакого значения не имеет. Ну а что касается случая наличия **вины потерпевшего**, то он, по всей видимости, должен быть предметом *отдельного рассмотрения* (см. об этом, кстати, стр. 69 и § 4 главы II Диссертации); однако, как было отмечено выше, сам автор полагает, что *только по его поводу* и нужно считать написанной ... всю его диссертацию; что она — не об альтернативной причинной неопределенности вообще (как

⁶ Естественно, такое воздаяние вполне может быть продолжено в отношениях самих сопричинителей вреда **между собой**: тому, кто сочтет, что заплатил потерпевшему более, чем то, что он сделал, должно быть предоставлено право *доказывать* это обстоятельство и требовать возмещения *регрессным иском* того, что им неосновательно уплачено. — Тот факт, что потерпевший здесь оказывается заложником ситуации («недобровольное» происхождение деликтного обязательства), на наш взгляд, вполне объясняет, почему вопрос о вот этих «взаимных расчетах» сопричинителей вреда *не только может, но и должен быть вынесен за пределы их отношений с потерпевшим*; соответственно, в отдельном объяснении и обосновании нуждаются авторские рассуждения, исходящие из противоположной посылки — см. всю главу II Диссертации (в особенности стр. 93): «*на текущий момент не существует ни одной абсолютно убеждающей теории распределения ответственности между альтернативными делинквентами*» (и стр. 123 — «два вопроса»). Совершенно верно; только характеризовать ее как какой-то «*сильный надрыв*» и «*беспомощность*» (там же) совершенно неверно. Мы бы сказали ровно напротив: не существует? — и слава богу, что не существует! Будет неповадно сперва коллективно вредить, а после компостировать мозги потерпевшему и суду: ай-ай-ай, как же так, ведь *неизвестно точно, кто навредил и сколько!* Иной подход — предоставление правовой защиты вот этому «ай-ай-ай!» — вел бы к признанию за причинителем не только права рассчитывать на присуждение к возмещению не более того, во что оцениваем вред, причиненный конкретно им, но и ... *к причинению нового вреда в размере разницы между взысканной с него суммой и вредом, им конкретно уже причиненным*. — Примечательно, что о самой возможности сопричинителей «разобраться» друг с другом непосредственно (не впуская в эти разборки потерпевшего), *автор вообще говорит в работе очень мало*, как бы не желая признавать ее существование. Признай он ее — и все его аргументы «против солидаритета» рассыпались бы в прах.

таковой), а только лишь о таком ее частном случае, как *неопределенность*, созданная при непосредственном участии **самого потерпевшего**. Если это так, то (1) об этом следовало бы сказать в названии и (2) существенно перестроить изложение хотя бы потому, что уж категория-то встречной вины (в отличии от альтернативной причинной неопределенности!) нашей наукой изучалась, притом, довольно активно и результативно.

Таким образом, **самой постановкой своей исследовательской проблемы, самим фактом написания диссертации** по проблеме альтернативной причинной неопределенности, М. И. Лухманов впадает, как нам кажется, в неразрешимое логическое противоречие. С одной стороны, постановка такой проблемы возможна лишь **при условии признания недостаточным тех объяснений «через справедливость» и «через целесообразность»**, которые (видимо, по умолчанию) принимаются нашей наукой гражданского права для обнаруженного диссертантом и описанного выше чисто логического противоречия в способах решения казусов с индивидуальной и альтернативной причинностью; с другой стороны, оправданием результатов исследования такой проблемы является ... **апелляция к справедливости (и, очевидно, целесообразности), но только по отношению не к потерпевшему, а к сопричинителям вреда** (особенно это видно по началу § 3 главы II — месту, где он оценивает систему солидарной ответственности сопричинителей как *наименее несовершенную* — т.е. наиболее справедливую и целесообразную (наилучшую) из всех возможных⁷). Так не бывает, однако, чтобы в одном случае (для одних целей) справедливость и целесообразность оказывались бы недостаточными, а в другом (для других целей) — достаточными аргументами.

3. Третье — также принципиальное — наше замечание заключается в том, что автору — который во введении и в первых параграфах первой главы буквально «заточил» свою работу на поиск **догматического** объяснения феноменов пропорциональной (долевой) и солидарной ответственности — найти его

⁷ Интересно, что вот эта оценка — сама по себе не просто *не новая*, но *очевидная* — является, кажется, общим местом всей, по крайней мере, современной европейской континентальной юриспруденции, не исключая, между прочим, *российской*; для того, чтобы к ней прийти, не требуется и сотой части тех догматических построений, к которым прибег автор — вполне достаточно политико-правовых категорий справедливости и целесообразности. Таким образом, мы вновь приходим к заданному уже вопросу: стоила ли игра свеч? стоил ли эффект тех затрат на его получение, которые были произведены? Нужно ли так формулировать вопрос, чтобы его исследование в конечном итоге привело к результату, ... *всем давно и прекрасно известному*? — Автор, конечно же, видит эту несообразность, и объясняет, что он все же не может остановиться на таком заключении, после чего переходит к *критике* концепции солидарной ответственности, но критике, и нам, и всем другим уже прекрасно известной: центр ее тяжести — соображение о несправедливости по отношению к тому из сопричинителей, который оказался вынужден заплатить больше, чем причинил.

автору (по крайней мере, в области *материального* права, которое обычно и ассоциируется с догматическим методом разработки) ... *так и не удалось*. Место объяснения материального и догматического у него заняло объяснение, лежащее в плоскости *распределения бремени доказывания* (вплоть до признания в некоторых случаях *презумпции причинной связи!*) и *изменения представления о доказывании* (с достоверного — на вероятностное (см., однако стр. 26 и сл., где автор возражает против *такого* понимания его текста)), то есть объяснение ... *процессуальное*, — не догматическое, а *техническое*.

Подход к *догматическому* объяснению, лежащему в области *материального* права, всплывает только на стр. 150, где автор поднимает «*проблему основания ответственности солидарных делинквентов*». Но там он о ней *только упоминает*, не рассматривая по существу; когда же он обращается к существу (стр. 151—159, 160—164), то он снова сваливается в *чисто процессуальную материю* (о перераспределении бремени доказывания).

В конечном итоге основанием концепции солидаритета автор объявляет «*теорию лишения потерпевшего права на иск к фактическому делинквенту*» (стр. 164—173): отбирая у него такой иск, мы взамен даем ему более выгодный — ко всем делинквентам (сопричинителям) солидарно. Говоря проще, мы исходим из соображения о том, что если так не поступить (т.е. отвергнуть концепцию солидарной ответственности), то потерпевший рискует остаться вообще без возмещения (что и несправедливо, и нецелесообразно). Иными — еще более простыми — словами, *автор возвращается к тому, что ныне и так предполагается едва ли не всеми по умолчанию и без каких бы то ни было исследований — к политико-правовому аргументу*: оставлять потерпевшего без возмещения — верх несправедливости и нецелесообразности. Как ни пытается он объявить апелляцию к справедливости и целесообразности недостаточными соображениями; как ни старался он всеми силами от них откеститься — ничего у него не вышло; автор вернулся к ним, подобно блудному сыну из библейской притчи. Природу в дверь — она в окно.

4. Но возможно ли в принципе найти какую-то *материально-правовую догматическую конструкцию*, объясняющую солидаритет как способ решения ситуации альтернативной причинной неопределенности? С чего вообще нужно начинать ее поиски? Нам кажется, нужно было бы начать с рассмотрения смутивших автора силлогизмов (см. выше) на предмет их правильности составляющих их посылок: расхождение в выводах может быть объяснено *только содержательной неправильностью* какой-то одной из них. Либо

— в обоих силлогизмах неверна *бóльшая посылка*, т. е. *вопреки общераспространенному убеждению причинная связь на самом деле отнюдь не всегда*

является необходимым элементом состава гражданского правонарушения⁸ — и в таком случае вопрос о невозможности ее установления между конкретными действиями сопричинителя и конкретным, именно им причиненным вредом, теряет всякое значение, либо

— в силлогизме № 2 неверна **меньшая посылка**, исходящая из того предположения, что *причинную связь всегда нужно устанавливать с действиями конкретного правонарушителя*, причем, даже в том случае, когда он действовал не один, а в коллективе из нескольких, ему подобных, правонарушителей.

Содержание Диссертации показывает, что поиск альтернативы для **бóльшей посылки** уже давно (как минимум, полтора века) осуществляется учетными-юристами многих стран, но успеха так до сих пор и не имеет. Собственно, сами ученые, которые таким поиском занимаются, никогда и не претендуют на полную замену причинной связи каким-то другим началом; наоборот, они неизменно подчеркивают, что *правило причинной связи остается в качестве общего, «достраивая» рядом с ним (для отдельных, весьма и весьма разнообразных, не имеющих между собой почти ничего общего, случаев) отдельные исключения из него*; перспектива прийти хоть когда-нибудь здесь к какому-то *omnia opinio doctorum* весьма туманна и зыбка.

Что же касается сомнения в правильности **меньшей посылки** второго силлогизма (как раз и касающегося случая нашей альтернативной причинности) куда более перспективно: достаточно признать, что *мы ищем причинную связь не с «маленькими» (конкретными) действиями каждого отдельно-взятого сопричинителя (А, Б, В), а с «большим», «общим», «совокупным» действием всего коллектива «сопричинителей» — с действием гражданско-правового сообщества, по своей конструкции очень похожего на простое товарищество*, — как проблема решается, что называется, сама собой. Если принципиально согласиться с тем, что объединяя, как минимум, свои усилия⁹ для це-

⁸ См. об этом сноску у автора на стр. 36—37, рассказывающую о немецкой теории *потенциальной причинной связи*, стр. 20, 21, 37, 46, 62, 68 и сл., на которых автор касается проблематики *разложения вреда между несколькими лицами безотносительно к началу причинной связи* и, в частности, стр. 77—79 и сл., где рассматривается теория, замещающая принцип причинной связи началом «глубокого кармана», а также те многочисленные страницы работы, на которых автор переводит вопрос в более интересную ему процессуальную плоскость, рассуждая о *презумпции причинной связи*.

⁹ А, может быть, не только усилия, но и имущество: каждый тратит деньги на проезд к месту причинения вреда, один из сопричинителей предоставляет свой автомобиль и «услуги» водителя, для того, чтобы всем вместе одновременно прибыть в место причинения вреда и также вместе оперативно из него скрыться; результатом причинения вреда может стать имущественное обогащение сопричинителей, которое те разделят между собой поровну или в соответствии с ролью (и, значит, долями участия) каждого и т. д. — Можно

лей совершения совместного противоправного вредоносного деяния (правонарушения, деликта), лица создают *объединение, подобное простому товариществу*, то лучшего догматического объяснения, кажется, нельзя и желать: все его *приобретения* де-факто становятся общим, значит, и все его *потери* (в том числе обязанности и ответственность) *также должны быть общими*, т.е. падать *на весь коллектив (все товарищество) в совокупности*, а не на отдельных товарищей-участников. Соответственно, отдельное действие каждого из них с точки зрения права «растворяется» в одном глобальном общем деянии; как и отдельные, причиненные каждым таким действием, «кусочки» большого общего вреда — в этом самом большом общем вреде. Значит и причинную связь нужно устанавливать между *действием всего коллектива и всем тем «большим совокупным» вредом, что причинен именно этим коллективом*; вопрос о действиях и вреде каждого здесь теряет юридическое значение: в отношениях коллектива сопричинителей с потерпевшим действия отдельных членов коллектива, предпринятые в общем (коллективном) интересе, попросту *не замечаются правом* (не считаются им за юридические факты).

Таково, на наш взгляд, совершенно логичное и достаточное, притом, догматическое (!) объяснение *всех* (!) проблем, которым посвящена Диссертация. Автор *знает* о таком решении, но *не уделяет ему особенного внимания*, полагая (стр. 193—194), что в случае совместного причинения вреда «безусловно не просматриваются» необходимое для товарищества общее дело или общая цель. Но почему же «не просматриваются»? А чем плохо такое «общее дело» (общая цель), как *причинение потерпевшему вреда*? А говорит: я ненавижу П и очень хочу, чтобы он страдал, но один боюсь ему что-либо делать; Б говорит: я тоже ненавижу и тоже хотел бы обрушить на его голову все неприятности земные, но в одиночку тоже не решаюсь; В говорит: а я еще сильнее ненавижу и хотел бы покарать его еще и карами божественными, но, к сожалению, еще сильнее его боюсь. А предлагает: а если мы боимся *по отдельности*, то давайте *все вместе*? Всем вместе не страшно (или не так страшно). Спраши-

представить себе даже использование вот такими несколькими сопричинителями в общем интересе *нематериального актива* (например, доброго имени) одного из них. «Что-то? В числе нападавших был г-н А?! Да быть того не может, ведь А — это во всех отношениях *честнейший и милейший* человек! Он не то, что никого не ограбит — он и мухи не обидит; он не то что, не станет якшаться с хулиганами и негодьями — он даже и не соприкасается-то по жизни с такими кругами, в которых они вращаются! Он до сих пор рыдает над стихотворением А. Блока «Зайчик» и уже трижды попадал в кардиологию с сердечным приступом после чтения нынешних новостей — да разве может *такой* интеллигентный и *такой* чувствительный человек быть разбойником и грабителем?!». Так позитивная репутация *одного из нападавших* невольно осеняет светлым ореолом и *всех других его подельников* (по крайней мере, какое-то время), т. е. служит их *общему интересу*.

вается: да что же еще нужно-то, чтобы стали, наконец, «просматриваться» **общий** интерес, **общее** дело и **общая** цель? Члены такого объединения даже самый настоящий *договор* заключают, притом, нередко, в сакральной — весьма действенной до сих пор! — форме, скрепляя свой союз какой-нибудь страшной клятвой и ... *кровью*! Про *объединение усилий, имущества и нематериальных активов* было сказано выше. Отдельного *баланса* и особой *бухгалтерии* тут конечно нет, но если это — *единственная* причина, почему перед нами не товарищество, то это, конечно, никакая не причина.

Да, разумеется, подобным образом формулируемая общая цель **незаконна**; да, конечно, ее участники **не выражают** (да **и не имеют**, скорее всего) **воли** принять на себя негативные последствия такого деяния, но эти обстоятельства ни на что не влияют. Они могут воспрепятствовать только *правовой охране того позитива, который получают сопричинители* (почему выше мы сказали о том, что такие приобретения становятся у них общими только де-факто, но не де-юре), но правовому распределению того *негатива*, который создадут сопричинители, действуя *в своем общем интересе*, они помешать никак не могут. Автор ведь не возражает против того, что на делинквента возлагается обязанность возмещения вреда, причиненного его незаконным действием? — нет, не возражает; а между тем, ее основание — **незаконное действие**, совершенное *в отсутствие у делинквента всякого намерения (воли) такую обязанность на себя возложить*. Обязанность однако — хочет он этого или нет — на него возлагается; позволяет это сделать имеющаяся у него **правоспособность**, которая включает в себя *не только активные элементы* (способности иметь права), *но и пассивные* (способности нести обязанности): первым будут пользоваться, в-основном, сами носители правоспособности, вторыми — противостоящие им лица, в отношениях с которыми (частных и публичных) носители правоспособности находятся.

Не разрушает «товарищеского» решения и тот факт, что те действия, которые будут совершаться в общем интересе, будут направляться не на *созидание* (увеличение, приобретение, улучшение), а на *разрушение* (уменьшение, отъем, ухудшение). Да, конечно, *обычно* простые товарищества создаются для чего-то *позитивного, утверждающего*, но это не значит, что не может быть товариществ, направленных на нечто *негативное, отрицающее*. Можно объединить имущество и усилия для *строительства нового дома*, но точно также их можно объединить и для *разрушения старого* — никакой проблемы в этом не будет; почему же следует видеть проблему в создании товарищества, направленного на уменьшение чужого имущества? Кстати, автор довольно близко к «товарищескому» решению подходит еще и на стр. 74—75 (рассуждая о «недобровольном характере» деликтного обязательства и о потерпевшем как заложнике деликта), но и там все-таки его не дает.

5. Из более мелких (частных) замечаний хотелось бы отметить следующие. На стр. 75—92 автор рассматривает очень интересный материал о *доктрине «глубоких карманов»* — необходимости перекладывания вреда на тех, кому экономически легче его претерпеть. К сожалению, он *совсем не относится к теме Диссертации*. Об этом пишет и сам автор в виде вывода (на стр. 91—92), который он, вроде бы как, делает по результатам произведенного рассмотрения. Но никакого особого «рассмотрения» не нужно: совершенно очевидно, что *перспектива создания альтернативной причинной неопределенности* к вопросу о *сравнительной имущественной состоятельности* потерпевшего и сопричинителей вреда *не имеет никакого отношения*.

6. *То же замечание* следует сделать относительно стр. 134—149 — § 2 гл. II Диссертации о *доктрине утраты шанса*. Сам автор (на стр. 136) совершенно правильно пишет, что эта доктрина — вариант исследования проблематики *состава и размера подлежащего возмещению вреда*, а не альтернативной причинной неопределенности; так же (по его словам) считает значительная часть зарубежной литературы и судебной практики, а также почти все наши немногочисленные по сему вопросу писатели (кроме В. С. Михайлова); на стр. 138 он еще раз повторяет, что *«ее самостоятельное значение для обсуждаемой в настоящей работе проблематики относительно невелико»*; см. также его замечания на стр. 148. Если это так, то, опять же, *какое отношение этот материал имеет к теме Диссертации?* Получается, что *никакого*. Зачем же в таком случае он в ней излагается? Во всяком случае, *безусловной необходимости* такого изложения автор не показал.

7. Общеизвестно, что изучение любых предметов и явлений целесообразно осуществлять по принципу *«от простого — к сложному»*. Только после досконального разбора и постижения *наиболее простых* — и вместе с тем, *ярких, чистых, резких* во всех своих чертах, позволяющих *наиболее четко наблюдать все внешние черты и внутренние закономерности*, присущие предмету изучения в его статике и развитии — его вариаций, можно переходить к более сложным. Этот «методический завет» известен, кажется, всем, *кроме ... диссертанта*. Предмет исследования — и сам-то по себе, мягко говоря, *непростой* (чтобы не сказать, *сложный*, а то и *очень сложный!*) автор *не упрощает, а нарочно все больше и больше усложняет разными его казуистическими вариациями* из серии «А вот еще случай был...». В результате изложение все сильнее и сильнее *запутывается*, а исследование заходит в тупик¹⁰. Многих читателей Диссертация от деликтного права просто отпугнет —

¹⁰ Этому способствует то, что автор, в своем стремлении «все усложнять», забывает о необходимости выполнения еще одного элементарного требования: прежде чем приступить

так велики сквозящие из нее напряжение и безысходность. «Разобраться невозможно!» — вот «мораль», которую они из нее вынесут.

Среди осложнений, о которых мы говорим, наиболее обращают на себя внимание, в первую очередь, конечно, дела, *с неопределенной причинной связью как таковой*, т.е. дела, не имеющие однозначного решения даже в том случае, когда причинитель один: таковы, в частности, «асбестовые дела» и дела о пассивном курении. Не имея научного доказательства того, что вдыхание паров асбеста или табачного дыма вызывает онкологические заболевания, нет никакой возможности констатировать причинную связь одного с другим. Выходит, что даже если под кроватью некоего потерпевшего П1 несколько лет пролежит бухта асбестового шнура, положенная туда делинквентом Д1, а делинквент Д2, проживающий под одной крышей с потерпевшим П2, в течение нескольких лет будет выкуривать по пять пачек сигарет в день, ни одного из них нельзя привлечь к ответственности, если П1 и П2 в конце концов умрут от рака легких. Зачем эти обстоятельства — которые и сами-то по себе по сути не очень разрешимы! — «накручивать» на проблематику альтернативной причинности с несколькими причинителями — которая тоже и сама-то по себе весьма непроста?

Вторая категория осложнений касается ситуаций с *разным временем и разным качеством* участия нескольких делинквентов в возникновении одного и того же вреда, в том числе, делинквентов, действовавших без какого-либо сговора, и даже не знающих друг о друге. Помимо только что упомянутых уже «асбестовых» дел (одни производят асбест, другие используют его при строительстве, третьи покупают и нанимают помещения, в конструктивных элементах которых использован асбест, четвертые сажают туда своих сотрудников и т. д.) и дел о пассивном курении (одни производят табак, другие продают, третьи курят, четвертые создают такие условия, что некурящие вынуждены находиться рядом с курящими и т. д.), сюда относятся дела о некачественных или неэффективных лекарственных препаратах (одни производят, другие продают, третьи назначают и т. д.), дела о неправильном лечении несколькими врачами (медицинскими организациями), дела о возмещении экологического вреда и некоторые другие. Исследование таких — осложненных

к исследованию предмета — четко разграничить его со смежными. Делу такого разграничения мог бы отлично послужить казус швейцарского цивилиста Андреаса фон Тура о вещи, похищенной неизвестным лицом из комнаты, в которую имелся свободный доступ нескольких, может быть, и весьма многих лиц. У автора этот казус лишь поминается (в сноске на стр. 63—64), но никаким методическим целям он не служит. Просто в качестве очередного ... усложнения: и такое, дескать, бывает, и тоже непонятно, как это решать (видимо, отказать потерпевшему в иске совсем).

— вариантов развития событий интересно и важно, но оно может быть плодотворно только после того, как найдено решение для дел, более простых. *А оно автором не найдено даже для самого простого казуса о двух охотниках, из серии «Двое стреляли — один "промазал"».* Кстати, автор и его умудрился усложнить (стр. 49): одного только отсутствия индивидуальных признаков у пуль (которые, кстати, можно было бы заменить *дробью* или *картечью* — тогда у потерпевшего вообще не осталось бы шансов на возмещение!) ему показалось мало — одну пулю у него *не нашли*, а другая, «поразившая потерпевшего, оказалась *по неосторожности утрачена хирургом*, проводившим вскрытие или операцию». Странно, что к охотникам, палящим со всей дури по кустам, автор не присоединил халатного хирурга, следователя, который его не «посадил», а также потерпевшего, который с какого-то перепугу «шарахался» по кустам в лесу, где постреливают охотники.

Третья категория ничем не оправданных осложнений вызывается регулярными авторскими попытками включить в число лиц, по которым он будет «размазывать» ответственность, не только *нескольких сопричинителей*, но и *потерпевшего*, и даже ... *нескольких потерпевших!* Дела, и без того уже *очень сложные*, автор нарочно еще усложняет, да так, что делает их совсем *неразрешимыми*¹¹. Правда, на стр. 35—36 автор обещает не говорить о делах с несколькими потерпевшими, т.к. считает (и совершенно верно!) наиболее удобным рассматривать проблемы на самом простом, «образцовом», базовом их варианте (подобном «идеальным условиям» в физике), но на стр. 112—116 он все-таки к этой проблематике возвращается. Во имя чего же? во имя того, чтобы окончательно «добить» и без того очевидно и недееспособную, и вообще неуместную в отношениях сопричинителей с потерпевшим «теорию пропорциональной (долевой) ответственности». Но зачем нужно это «добивание»? Ведь очевидно, если теория не годится даже для наиболее простого «образцового» казуса (с двумя охотниками и одним потерпевшим), то какой же смысл пытаться «прикладывать» ее к более сложным? Ну а что касается ситуаций, когда есть хоть какие-нибудь — даже самые отдаленные — основания заявить потерпевшему «Сам дурак!», т.е. дела, когда в число сопричинителей попадает и сам потерпевший, то про них мы уже говорили выше: порой, складывается впечатление, что у автора вся диссертация посвящена не столько альтернативной причинности, сколько встречной вине.

¹¹ Естественно, тем или иным образом решить можно любое дело; мы говорим о неразрешимости в том смысле, что по делам становится невозможным вынесение *такого решения, с которым соглашается хоть сколько-нибудь весомое большинство* лиц, применяющих право, и самих участников регулируемых правом отношений.

Возможно, авторское стремление «все усложнять» объясняет и упомянутые выше его *попытки включения в работу материала, непосредственно не относящегося к делу*, в том числе о «глубоких карманах» и утрате шанса. В последнем случае рассуждения автора, «подвязывающие» материал к теме, примерно таковы: об утрате *какого* шанса, шанса *на что* идет речь? — на полное выздоровление или лишь на некоторое (какое?) улучшение самочувствия? на то, чтобы продлить жизнь или только на то, чтобы не слишком рано умереть? на «просто жизнь», или жизнь обеспеченную и, притом, вольготную, «не пыльную»? на простое сохранение, или на заработок (опять-таки, какой)? и т. д. Естественно, попытки установления причинной связи между противоправным действием и возникшим у потерпевшего *по-разному понимаемым* вредом, приводят к *разным результатам*; соответственно, и распределяться этот результат между сопричинителями (если их несколько) может по-разному. Нужно ли такое осложнение в работе, тема которой и без того не проста?

Последнее весьма яркое проявление авторского умонастроения «Никто и не обещал, что будет просто!» — *очень тяжеловесные положения для защиты и чрезвычайно обширные «подвалы» (сноски)*. Первые невозможно понять без трех-четырёхразового прочтения; читая же вторые, к концу забываешь, с чего сноски начиналась и вообще, к чему она сделана.

5. Общее мнение о работе соискателя

То количество замечаний, которое мы сделали к тексту его диссертации, не должно смущать и вводить в заблуждение. Оно лишь подтверждает тот *научный интерес*, который вызывает представленная Диссертация, и ту *практическую ценность*, которую она имеет. Все эти замечания являются предметом для научной дискуссии и ни в коей мере не снижают в наивысшей степени благоприятного впечатления производимого работой.

6. Заключение о соответствии диссертации критериям, установленным Положением о порядке присуждения ученых степеней

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что диссертация М. И. Лухманова на тему «Модель деликтной ответственности в ситуациях альтернативной причинной неопределенности»:

— представляет собой самостоятельное, комплексное, внутренне согласованное исследование, соответствующее требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям;

— диссертация отвечает всем требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова к работам подобного рода и **может быть допущена к публичной защите** на заседании диссертационного совета МГУ.051.1 (МГУ.12.03) Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;

— содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.1.3 «Частно-правовые (цивилистические) науки» (12.00.03 — «гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»), а также критериям, определенным пп. 2.1—2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова, оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;

а ее автор, Максим Иванович Лухманов,

— **заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.3 «Частно-правовые (цивилистические) науки» (12.00.03 – «гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»).**

Официальный оппонент:

Доктор юридических наук, профессор кафедры коммерческого права юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова,

В. А. Белов

« ____ » _____ 2022 г.